

8 декабря 1983 г. № 146 [5778]

беседы о мастерстве

Галина ПИСАРЕНКО:

# ОЩУТИТЬ РОЖДЕНИЕ МУЗЫКИ

Имя народной артистки РСФСР, лауреата Всесоюзного и международных конкурсов, солистки Московского академического музыкального театра им. К. С. Станиславского и Вл. И. Немировича-Данченко Галины Алексеевны Писаренко занимает достойное место в ряду ведущих представителей советского вокального искусства. Певица редкой музыкальной одаренности, она покоряет искренностью и свежестью голоса, высокой культурой, благородством исполнения. Главная черта творческого облика Галины Писаренко — женственность, обаяние, нежный лиризм, которым она согревает каждый созданный образ в оперном и камерном репертуаре.

— Галина Алексеевна, первый вопрос, может быть, несколько общий. Что главное для вас в оперном искусстве?

— Современные требования к опере высоки. Нам сегодня скучно слушать просто хорошее пение, красота звука никак не компенсирует отсутствия актерского дарования. Помню, как на музыкальном фестивале во Франции, в Туре, я была свидетельницей того, как знаменитая Элизабет Шварцкопф при огромном скоплении народа проводила свои уроки. Она консультировала, давала советы начинающим певцам и сама показывала, «как это делается». Обладательница дивного, редкой красоты сопрано, Шварцкопф еще и бесподобная актриса. Для нее нет высоких и низких жанров в вокальном искусстве. Восхищает исполнение ею опереточных арий, ощущение специфики этого вида искусства. В романсах Рихарда Штрауса ее голос «круглый» и теплый, а в партии моцартовской Сюзанны из «Свадьбы Фигаро» у певицы меняется тембр, он становится более «инструментальным». В каждом музыкальном фрагменте, который она показывала, был виден четкий обрисованный, законченный образ. Элизабет Шварцкопф ненавидит «голое» пение, поэтому она постоянно зывала к ученицам: создайте перед внутренним взором драматическую ситуацию и постарайтесь увидеть то, о чем поете!

— Ваш театр носит имя великих реформаторов сценического искусства Станиславского и Немировича-Данченко. К. С. Станиславский, как известно, так определял

задачи актеров созданной им музыкальной студии: «В опере нужен не только хороший певец, но и хороший актер. Нужно соответствие драматического и вокально-музыкального искусства. Нехорошо, когда драма давит оперу, плохо, когда опера давит на сцене драму». Как это требование выполняется сегодня?

— Один из первых музыкальных коллективов молодой Советской республики, наш театр и сейчас продолжает реалистические традиции его создателей. У нас сложился талантливый актерский ансамбль, имеющий все возможности создавать интересные и трудные спектакли. Театр остро реагирует на запросы современного зрителя, старается максимально разнообразить репертуар, включая в него малоизвестные произведения мастеров прошлого, сочинения советских композиторов. Работа над каждым спектаклем проходит с огромным энтузиазмом, артисты соревнуются в изобретательности, умения неординарно подойти к музыкально-сценической трактовке роли.

Певец не может творчески расти один, его «создают» люди, с которыми он общается в искусстве и вне работы. Даже самый большой талант развиваться не будет, если он замыкается в себе и считает, что он уже все может сам и никто не в состоянии удивить и обогатить его, — он гибнет.

— В своем творчестве вы, вероятно, придерживаетесь этого принципа?

— Приступая к новой работе, я каждый раз испытываю чувство неуверенности. Как будто стоишь перед за-

крытой дверью — как туда войти и что там найдешь?.. Мне надо долго работать над вокальной партией и искать разные «ходы», разные варианты на сценических репетициях. Во время подготовки новой партии, где бы я ни находилась, вторым планом, исподволь, постоянно идет работа над образом.

И здесь на помощь приходят педагог, режиссер и дирижер. Очень ценно и вовремя сказанное критическое замечание. Как это ни парадоксально, я люблю, когда меня критикуют, а не похваляют. Это зажигает меня, дает мне стимул в работе.

— У вас огромный камерный репертуар. В чем вы видите специфику этого жанра?

— В камерном исполнительстве непременно должен присутствовать образный элемент. Хотя его проявление иное, чем в опере. Поэтому так важно воображение певца, умение воплотить в течение нескольких минут целую историю жизни, картину, психологическое состояние.

В классе замечательной певицы профессора Н. Дорлиак, у которой я училась в Московской консерватории, камерной музыке уделялось огромное внимание. Ею занимались не только в учебных аудиториях — не менее интересные «уроки» проходили в концертных залах, где мы имели возможность слышать крупных мастеров камерного пения. Сама Нина Львовна исполняла программы широкого творческого диапазона — от чудесных произведений доглинских композиторов до цикла С. Прокофьева «5 стихотворений А. Ахматовой».

Многие поклонники камерной музыки помнят ее выступления со Святославом Рихтером, прекрасный дуэт с Зарой Долухановой в «Слаб Матер» Перголези. Слушая эти концерты, мы учились у них всему: мягкому ведению звука, умению сво-

бодно держать себя на сцене. И что больше всего привлекало внимание и восхищало — это способность покорить слушателей не только красотой голоса, но и правдивостью человеческих чувств, беспредельной искренностью, которая сквозила в каждой ноте, когда каждый романс, каждая песня превращались в волнующую исповедь человеческой души. Это и была для меня самая лучшая школа.

— В последнее время камерные певцы, да и не только они, все чаще стремятся исполнять произведения зарубежных композиторов на языке оригинала. Вполне естественно их желание передать не только красоту мелодии, но и поэтическую выразительность текста. Иногда на иностранном языке идут целые оперы. И все же всегда ли это оправданно?

— Да, эта проблема не проста. Прежде всего надо сказать, что любой перевод неизбежно деформирует оригинальный текст. Это всегда чуть-чуть другое произведение. Полностью ощутить прелесть вокального сочинения можно лишь при гармоничном слиянии звука и слова, слова, которое рождалось в сердце поэта и, восхищая воображение композитора, подвинуло его на создание музыки. Когда на языке оригинала идет опера, в своем распоряжении зритель имеет либретто, по которому он может узнать содержание спектакля и вникнуть в суть завязавшихся на сцене отношений. Если же петь на немецком языке целый концерт Шуберта, то аудитории (ведь не все владеют языком) многое не будет понятно. В таком случае желательно отдать предпочтение переводу, при условии, что его качество достойно подлинника. Существует и другой выход, который я стараюсь использовать при подготовке своих концертов: в программе рядом с перечнем романсов и песен дать их перевод. Таким образом восприятие

слушателей не будет пассивным, и, наслаждаясь красотой музыки и языка, они сознательно будут реагировать на исполнение.

Если певец ставит перед собой задачу исполнить произведение в подлиннике, то требования к себе он должен предъявлять повышенные. Надо не просто выучивать текст на память, а знать доподлинно каждое слово, иначе певец не может правильно эмоционально окрасить текст. А тогда пение на иностранном языке становится бессмысленным. Безупречным должно быть и произношение.

— Какие встречи оказали влияние на ваше творчество?

— Прежде всего, конечно, встреча со Святославом Теофиловичем Рихтером огромное, невыразимое счастье. Работа с ним стала одним из наиболее ярких событий моей творческой жизни.

Глубокий след оставили концерты с Государственным симфоническим оркестром СССР под руководством Евгения Светланова. При исполнении кантаты Рахманинова «Колокола» я испытала неведомое мне ранее ощущение рождения музыки вот здесь, около меня — так велика была «магия», сила вдохновения этого музыканта. Чувство, что музыка создается под руками дирижера, возникает у меня всегда, когда я работаю с Е. Светлановым или бываю на его выступлениях.

Мир большой музыки открылся мне в концертах с оркестрами, которыми дирижировали Роберто Бенци, Курт Мазур, Владимир Федосеев.

Неоценимое значение в моей жизни на сцене имела встреча с великолепным дирижером, тонко и органично чувствующим театр, — Дмитрием Китаенко и знаменитым режиссером Вальтером Фельзенштейном в работе над ролью Микаэлы в опере «Кармен».

— Истинно творческий человек никогда не замыкается в сфере своих профессиональ-

ных интересов. Для того чтобы раскинулись крылья фантазии, художнику необходимо общение с другими видами искусства. Что помогает в работе лично вам?

— Приведу хрестоматийный пример. Талант Шалаяна шлифовался в общении с виднейшими деятелями искусства. Он сам говорил: учитесь у великих композиторов, у дирижеров, у скульпторов, у историков, у драматических актеров — как учился я у Мусоргского, у Рахманинова, у Серова, у Ключевского, у Дальского, и тогда вы и сами будете художниками. Если думать только о «до» и «си», добра не будет.

Я, например, очень люблю драматический театр, литературные вечера, читать Вампилова, О'Нила, Фриша, Уильямса. И иногда ловлю себя на том, что выбираю себе какую-то роль и внутренне проигрываю ее.

Очень люблю концерты Дмитрия Николаевича Журавлева. Среди мастеров художественного слова это уникальный талант. Чтение его необыкновенно осязаемо, образы рельефны. Я много слушала его программы, посвященные Пушкину, Блоку, Маяковскому, Чехову, Пастернаку. После этих концертов всегда выхожу с растревоженной душой. Одна из вершин Журавлева — стихотворение Пушкина «Заклинание». Интонации Дмитрия Николаевича помогли мне понять, осмыслить, пережить романс Ю. Шапорина на эти стихи.

Радостные минуты вдохновения дарит мне общение со скульптурой, графикой, живописью. Для недавней премьеры оперы Римского-Корсакова «Майская ночь» долго рассматривала удивительные образы Врубеля.

Один из источников творчества для меня общение с природой. Смотреть на небо, ходить по траве, гулять в лесу, сидеть у реки... Это восстанавливает душевные силы, дает свежесть восприятия и ощущений, столь необходимые в нашем труде.

Беседу вел  
А. АНДРЕЕВ.